

Деревня семейства Су лежала в такой глубокой глуши, что мирские слухи сюда попросту не долетали.

Между тем за пределами этих мест давно гремели зловещие вести. Поговаривали, что объявился некий лекарь — с виду человек благообразный, книжный, изысканных манер, но промышляющий страшным делом. Он выбирал исключительно детей, и число загубленных им душ уже не поддавалось счету. Четыре великие бессмертные горы даже снарядили своих заклинателей на его поиски.

Люди складывали о нём пугающие песни, а матери, укладывая непослушных чад, шептали им на ночь жуткие сказки:

— Не будешь слушаться — явится Призрачный лекарь и утащит к себе.

Этот человек был чернокнижником и ведьмаком. В былые годы он обучался среди внутренних учеников на Горе Великой Чистоты, но неведомая страсть совратила его с пути истинного: он до безумия увлекся запретным искусством, силясь слить воедино человеческую плоть и демоническую суть. За эти кощунственные опыты орден с позором изгнал его со своих священных круч.

Детские души — чистейшие в поднебесном мире, их духовное начало прозрачно, словно белый лист. Лекарь кочевал из веси в весь, выискивая заброшенных, никому не нужных сирот. Кому какое дело до бездомного или нелюбимого ребенка? Умри он завтра — никто и слезинки не проронит. Именно на такого ненужного, обделенного лаской мальчика он и наткнулся в лице Су Цзюгуя.

Раз в три дня Су Цзюгуй послушно приходил к убогой соломенной хижине лекаря и оставался там на два стражника, унося с собой и передавая Су Чжицину ровно по сто лянов серебра всякий раз.

Тот, ослепленный легкой наживой, на время оставил мысль продать мальчишку в бордель. Су Чжицин рассудил здраво: дитя пока мало, а соглашение с лекарем приносит куда более щедрый и верный прибыток.

Сам же Су Цзюгуй невольно стал видеть в этом зловещем логове тихое пристанище от домашних побоев.

Вот и сейчас мальчик сидел у окна, углубившись в чтение. Его худенькое предплечье все еще белело чистой марлевой повязкой: месяц назад лекарь вживил ему под кожу паука-демона, но хрупкое тело Су Цзюгуя с поразительной легкостью смирилось с этой мерзостью и перенесло вторжение.

Солнце лениво катилось к закату. Мальчик ловил лицом последние янтарные лучи, бережно переворачивая пожелтевшие страницы.

Со своего места лекарь мог видеть его тонкий, точеный профиль и опущенные веки с густыми, черными, точно вороново крыло, ресницами. Ребенок был на редкость хорош собой и изящен; глядя на него, невольно становилось понятно, почему жадный опекун спал и видел, как бы сбыть этого красавца в какой-нибудь столичный дом утех.

Благодаря его молчаливому присутствию убогая хижина будто ожила, наполнившись робким теплом, и даже страшные банки за его спиной — с человеческими головами и заспиртованными внутренностями — казались уже не столь жуткими.

Всякий раз Су Цзюгуй покорно оставался в хижине дольше часа, давая мучителю возможность наблюдать за ходом кощунственного опыта. При этом он никогда не заговаривал первым. Лекарь не вызывал у него ни страха, ни интереса — мальчик даже ни разу не спросил его имени.

Он лишь молча сидел в углу, погруженный в чтение. Су Чжицин, само собой, и медяка бы не отдал за учение племянника; в былые годы Су Цзюгуй тайком бегал к окнам деревенской школы и, затаив дыхание, подслушивал уроки грамоты, пока опекун не прознал об этом и не лишил его последней радости.

Лекарь понимал: этот ребенок зубами вгрызается в любую возможность учиться. В хижине не было обычных книг, и мальчик читал единственное, что имелось под рукой, — старые трактаты по чернокнижию и запретной медицине.

Поначалу сложные, испещренные темными терминами фолианты давались мальчику с огромным трудом. Лекарь ждал, что тот забросит непонятные свитки, но ребенок день за днем упорно штудировал их, находя в этом занятии невыразимую усладу.

Время от времени Су Цзюгуй робко обращался к хозяину лачуги за разъяснениями. В душе лекаря шевелилось нечто похожее на жалость: он неохотно, но все же растолковывал непонятные места и даже показывал простейшие основы даосских практик. Мальчик учился истово. Все свое время он тратил либо на чтение, либо на безмолвные тренировки в глухом углу.

Поначалу лекарь видел в нем лишь послушный сосуд для своих опытов, безликую жертву вроде тех детей, которых он губил десятками.

Но вскоре он с замиранием сердца осознал, как жестоко просчитался. На самом деле все обстояло ровно наоборот: это Су Цзюгуй расчетливо использовал своего мучителя как ступеньку для собственного восхождения.

Су Цзюгуй принадлежал к той редкой породе людей, что сохраняют ледяное спокойствие на самом краю бездны. Он ухитрялся извлекать выгоду из любого несчастья, обращая яд в лекарство, лишь бы стать сильнее. Не родился он в Богом забытой семье Су, из него определенно вырос бы великий праведник или грозный владыка.

Впрочем, лекарь недооценил его дух. Даже проклятое клеймо рода Су не могло удержать эту душу в грязи. Су Цзюгуй все равно поднимется к самым вершинам. В те дни никто в подлунном мире не мог бы помыслить, что этот истощенный, избитый ребенок со временем встанет в один ряд с четырьмя великими грандмастерами поднебесных орденов.

— Как ощущения? — глухо спросил лекарь.

Су Цзюгуй медленно опустил веки.

— Терпимо.

Старик не знал, верить ли этому кроткому ответу. В юности он испытал это на себе, попытавшись вживить под кожу крошечную демоническую змейку. Но собственное тело тут же отринуло тварь: его скрутил жестокий жар, наизнанку выворачивало от рвоты несколько дней.

Су Цзюгуй замер, держа пальцы на уголке страницы.

— Ему нехорошо. Он дрожит от страха.

— Боится? — искренне изумился лекарь.

— Да, — отозвался мальчик. — Он весь трясется у меня под кожей.

Чернокнижника пробрал озноб. Он никогда прежде не видел, чтобы человеческий сосуд мог улавливать чувства вживленного существа. Этот мальчик ухитрялся сопереживать демонической твари.

Вероятно, все дело было в поразительной кротости и хладнокровии Су Цзюгуй. Он не испытывал брезгливости или ненависти к этим омерзительным созданиям. Он принимал их как часть себя, и демоническая суть безропотно покорялась ему. «Если так пойдет и дальше, — осенило лекаря, — этот малец сможет повелевать легионами демонов».

Значит, все сорок лет его изысканий были ложным кругом! Разгадка лежала на поверхности, а он упорно шел напролом. Прежние дети гибли лишь потому, что до последнего вдоха боролись с чужеродной плотью, захлебываясь собственным ужасом.

Но даже знай он этот секрет раньше — разве это что-то изменило бы? Внушить ребенку искреннее, безбоязненное доверие к демонической твари невозможно. Человеческая природа неспособна победить первобытный страх.

Сумрак окончательно сгустился, строчки поплыли перед глазами. На деревенских улочках уже раздавались голоса матерей, зовущих детей к ужину. Лишь в доме Су царил безразличное

молчание. Су Чжицин, верно, и не вспоминал о племяннике.

Было до уродства смешно: этот человек ни разу не поинтересовался, откуда на теле ребенка берутся шрамы и свежие повязки.

Перед уходом Су Цзюгуй обычно делил скромную трапезу с хозяином лачуги. Судьба сыграла злую шутку: этот чистый душой ребенок и законченный злодей сделались друг для друга кем-то вроде названной родни.

Мальчик рассеянно разглядывал уставленную склянками стену. За долгие месяцы он научился безошибочно определять их содержимое. В прозрачных стеклянных сосудах покоились мертвые ткани: заспиртованные органы демонов или иссохшая человеческая плоть. В грубых глиняных кувшинах томилось нечто живое — в основном слабые бесы да мелкие лесные духи.

С тех пор как под его кожей загнездилась первая нечисть, Су Цзюгуй стал отчетливо слышать их беззвучный, тоскливый писк.

— Сколько мне осталось? — негромко спросил Су Цзюгуй.

— О чем ты? — вздрогнул лекарь.

— Сколько я еще протяну?

— Не знаю, — лекарь нахмурился. Он и сам не ведал границ его выносливости. Поразмыслив, он честно добавил: — До тебя дольше всех держался один малец. Прожил год и три месяца.

Су Цзюгуй посещал эту хижину вот уже восемь месяцев. Если судить по прошлым опытам, песчинки в его часах стремительно таяли.

— Хотя, — задумчиво протянул старик, — ты особенный. Может, и выживешь.

Су Цзюгуй не ответил. Ребенок интуитивно понимал, что этот лекарь — посредственность, иначе гора детских трупов за его плечами не росла бы с такой жуткой скоростью.

Мальчик не ошибся в своих суждениях: пройдут годы, и Су Цзюгуй, обретший истинное могущество, поймет, что познания его первого учителя были на редкость жалкими и топорными.

Единственным исходом этого пути была безвременная кончина, и лекарь не собирался себе лгать. С того самого дня, как босая ножка мальчика впервые переступила порог этой лачуги, его приговор был подписан.

Но вот настал день, когда Су Цзюгуй переступил порог соломенной хижины в последний раз.

Землю сковал глухой зимний холод. Деревню семейства Су занесло снегом по самые колени; метель выла за тонкими стенами.

Су Чжицин поначалу не хотел пускать племянника наружу в такую вьюгу, но стоило лекарю накинуть цену до двухсот лянов, как пьяница тут же сгреб серебро и вышвырнул ребенка на мороз.

Теперь Су Цзюгуй сидел на жестком стуле, намертво притянутый к спинке желтыми полосками сдерживающих талисманов. Он вел себя смирно, безропотно ожидая своей участи.

Старик дрожащими руками развязал его пояс и распахнул одежду, обнажив худую детскую грудь. Предстояло совершить последнее таинство: взрезать ребра, остановить слабое человеческое сердце и вживить вместо него чудовищный орган древнего демона.

Твари уже прижились в его руках и ногах, оставался лишь последний рубеж — грудная клетка. Подобная пересадка означала верную смерть, и мальчик знал это.

Почуввав приближение небытия, Су Цзюгуй впервые лишился своего невозмутимого спокойствия. В его глазах отразилась тихая, щемящая тоска.

От ребенка исходила странная, почти мистическая аура. Он оставался собранным, но в его покое не было ледяного безразличия — лишь кроткое, согревающее тепло. На мгновение лекаря уколол стыд, словно он занес грязный нож над величайшей святыней поднебесного мира.

Старик взял со стола заветный глиняный кувшин, а пальцы правой руки сжали острую кривую сталь. Сегодня все должно было закончиться.

Он направил лезвие к худой груди. Мальчик в свои десять лет казался крошечным и бледным, его сердечко билось так слабо, что толчки едва прощупывались. Один короткий удар, один хриплый выдох — и многолетний труд чернокнижника будет завершен.

Однако рука лекаря оцепенела, лезвие так и не коснулось кожи.

Пальцы будто сковал паралич, собственная кисть руки перестала подчиняться его воле. Что-то чужое, невидимое крепко держало его за запястье.

Ошарашенный старик поднял глаза на Су Цзюгуя. Мальчик по-прежнему сидел неподвижно, но одна мелочь бросалась в глаза: желтая бумажная полоска на его правом запястье слегка отклеилась с одного уголка.

Нечто неосязаемое и холодное, точно лед, обвило его шею и с силой рвануло назад. Старик покатился по полу, хрипя от боли, и лишь когда горячая кровь брызнула на его пальцы, понял: его горло перерезано тончайшей удавкой.

На его шее затянулась прозрачная шелковая леска. Простейшая, глупая игра в «ниточки», которой лекарь развлекал мальчика в редкие минуты досуга. Трюк, которому он сам обучил своего подопытного.

Забава с веревочками, призванная усыпить бдительность ребенка, обернулась для мастера смертельным капканом.

Подобную детскую шалость опытный заклинатель пресек бы одним щелчком пальцев. Но кроткий, беззащитный вид Су Цзюгуя сыграл с ним злую шутку: лекарь полностью потерял бдительность.

Натянув леску, Су Цзюгуй в мгновение ока превратился в матерого хищника, вцепившегося мертвой хваткой в горло жертвы. Мальчик резко развел руки в стороны — и тонкая жилка со свистом рассекла кожу и мышцы старика.

Перед угасающим мысленным взором лекаря предстал образ мальчика, часами сидевшего у окна с его колдовскими книгами.

Он вспомнил его тихий голос: «Он боится...» Мальчик ведь рассказывал ему, как чувствуют себя демоны в его плоти, делился их переживаниями.

Вспомнил и то, как ребенок три месяца кряду старательно разучивал эту немудреную игру, пока он сам со смехом поправлял его тонкие пальчики.

Мальчик был прирожденным гением. Скрытный, молчаливый, он впитывал знания подобно сухой земле, жаждущей влаги. В будущем никто из великих мудрецов не узнает, что свое самое первое смертоносное заклятие бессмертный Лу Юньцзи перенял у безжалостного Призрачного лекаря.

Су Цзюгуй ведь предупреждал его. Подавал знаки, давал намеки — раз за разом.

Но собственная спесь погубила чернокнижника. Он не принял всерьез слабое дитя — и бесславно сгинул в собственной грязной лачуге.

Закалка, полученная некогда на Горе Великой Чистоты, не давала духу угаснуть мгновенно. Лекарь силился вскинуть левую ладонь для ответного заклятия, но рука бессильно упала на пол: Су Цзюгуй не собирался ослаблять натяжение лески.

Ребенок убивал впервые в жизни, но в его действиях не было ни тени колебания или жалости.

Силы оставили старика. Глиняный кувшин выскользнул из его пальцев и с глухим стуком покатился по полу, явив миру свое содержимое.

Из сосуда вывалилось крупное багровое сердце — самое драгоценное сокровище, что лекарь прятал на самый крайний случай. Все прежние твари, коих он вживлял в плоть Су Цзюгуя, были ничтожной нечистью. Но это сердце некогда билось в груди великого демона третьего ранга.

Оно принадлежало его единственному, без памяти любимому человеку. Все эти годы чернокнижник скитался по деревням лишь ради одного — найти безупречный сосуд для воскрешения своей утерянной любви.

Окажись эта мерзость в груди мальчика, и Су Цзюгуй перестал бы существовать навсегда, уступив место чуждой душе. Старик жаждал вырвать возлюбленного из лап смерти любой ценой.

Желтые полосы на теле ребенка потеряли силу. Осыпавшись на земляной пол, они превратились в бесполезный бумажный сор.

Су Цзюгуй не спеша сошел со стула и остановился над хрипящим стариком. Его лицо оставалось пугающе отрешенным. Свернувшись калачиком в луже собственной темной крови, лекарь содрогался в предсмертных конвульсиях.

Жизнь покидала старика. В душе Су Цзюгуя, казалось, от природы отсутствовала способность ненавидеть. Он присел на корточки и тихо спросил:

— Тот, чье это сердце... он был дорог тебе?

Старик едва заметно качнул головой.

Мальчик задумчиво разглядывал умирающего. Су Цзюгуй не понимал, каково это — дорожить кем-то. В деревне семейства Су для него не существовало близких людей.

В тот снежный день он впервые осознал, что мужчина может без памяти любить другого мужчину.

Немного подумав, он без тени страха поднял скользкое демоническое сердце с пола и осторожно положил его рядом с лицом лекаря, чтобы они могли соединиться хотя бы перед концом.

— Но он ведь давно мертв.

Стоило сердцу лишиться сохранявших его соков, как оно начало разлагаться. Плотная багровая мышца прямо на глазах расплзалась липкой черной жижей, струясь сквозь его тонкие детские пальцы.

Чувствуя удушливый запах тлена, старик дернул губами в беззубой улыбке. Он и сам прекрасно знал, что та искра давно погасла. Сорок лет он безуспешно бился над загадкой воскрешения, но так и не продвинулся ни на шаг.

Растянувшись в липкой жиже из собственной крови и черной предсмертной гнили, черно книжник не чувствовал брезгливости. Напротив, он испытывал глубокую признательность за этот последний, наивный жест ребенка. В свои последние мгновения старик верил, что засыпает в ласковых объятиях любимого.

Словно кто-то близкий все еще крепко сжимает его в своих объятиях.

Широко распахнутые, тускнеющие глаза уставились в прорехи прогнившей соломенной крыши.

Десятилетиями он кочевал из края в край со своим убогим скарбом, гонясь за призраком былого счастья. Но мертвым закрыт путь назад.

Единственной ясной мыслью, посетившей его перед падением во тьму, была простая истина: «Как же хорошо умереть именно так...» По крайней мере, это было стократ лучше, чем сгореть в очищающем пламени даосских заклинаний.

— У тебя... есть кто-нибудь... кем ты дорожишь? — прошепел умирающий.

— Есть, — не задумываясь, кивнул Су Цзюгуй.

— Кто?.. — из последних сил выдавил старик. Он был уверен, что это холодное, не по годам рассудительное существо от рождения обделено способностью любить.

Су Цзюгуй беззвучно шевельнул губами. В его разуме вспыхнуло имя, но он не сумел произнести его вслух.

Действительно... кто это?

Черно книжник затих навсегда, оставив свой последний вопрос вечным эхом звучать в душе Су Цзюгуй.

Мальчик тупо смотрел на свои руки, перепачканные дымящейся кровью. На его густых ресницах запеклась крошечная багровая капля, делая веки невыносимо тяжелыми.

Он зажмурился и снова открыл глаза, но наваждение не рассеялось. Напротив, все эти жуткие трофеи в банках вдруг ожили.

Мутные жидкости с омерзительным хлюпаньем хлынули на деревянные доски, а склизкие серые извилины поползли по полу, точно живые твари. Прошлое сплелось с настоящим, явь смешалась с безумным бредом кошмара. Но Су Цзюгуй не обращал внимания на обступивших его призраков. Все его существо сосредоточилось на одной-единственной мысли.

Тот человек был бесконечно важен для него. Он делил с ним вечность, оставаясь единственным собеседником в те глухие, беспросветные века, когда Су Цзюгуй в полном одиночестве нес свою вахту на краю Поглощающей Бездны.

Бесконечные, мертвые ночи... Внизу, в вечно кипящем провале Шиюань, изнывали под пытками мириады демонов. Их яростный рев и предсмертные проклятия сливались в единый гул. Твари желали ему лютой, мучительной смерти. Но рядом неизменно бодрствовала верная душа, охраняя его покой.

"Учитель, ты охраняешь Бездну, а я буду охранять тебя".

В прежние времена Су Цзюгуй часто ворчал на него за несносный, шумный нрав, укорял за наивность и сокрушался, что его преданному стражу не хватает благообразия. Он вечно приносил ему одни хлопоты.

Но именно этот человек клялся оберегать его до последнего вздоха.

"Я буду защищать тебя. Всегда. До конца веков".

Кто же это сказал?

Мальчика захлестнула волна невыразимой горечи и досады на самого себя. Он чувствовал, что за долгие годы беспамятства растерял самые дорогие сокровища своей души.

Су Цзюгуй стоял посреди этого кровавого безумия, растерянно глядя перед собой. Кошмар ушедших лет все еще крепко держал его в своих объятиях.

<http://bllate.org/book/18298/1755148>